

аллегорическом пространстве, а у Достоевского – в реальном. Если Пушкин *мыслит* эту ситуацию, то Достоевский *вспоминает*. У стихотворения Пушкина духовный источник очевиден («Книга пророка Исайи»), у рассказа Достоевского он узнается опосредованно через житейскую ситуацию (воспоминание в остроге) и восходит к Евангелию с его мотивами Преображения и Спасения. Сама жизнь является источником этого *пророческого, преображающего* знания.

Сопоставление в религиозно-ценностном аспекте стихотворения «Пророк» и рассказа «Мужик Марей» позволяет проанализировать такой неформализованный, сверхлогический феномен, как преобразование, и показывает, что данный мотив пронизывает структуру представленных произведений и определяет их духовно-ценностный потенциал. Преобразование знаменует резкое изменение ценностных доминант в сознании художников, является началом нового видения окружающего мира.

Библиографический список

1. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т.1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. М.: Худож. лит., 1985. 735 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1981. Т.22.

«ДЕТСКИЙ» БРОДСКИЙ

П. Ащеулова

3 курс, филологический факультет

Научный руководитель – доц. М.А. Перепелкин

В стихотворениях И.А. Бродского, написанных для детей, выделяются два смысловых пласта - 1) адресованный детям, и не раздражавший цензуру, и 2) скрытый, тот который в «расшифрованном» виде вряд ли бы попал в печать. Эти пласты значений являются неразрывно связанными друг с другом и образуют структуру с «двухуровневой адресацией» [1]: внешняя простота «детской» составляющей стихотворений, при раскрытии «взрослого» семантического пласта, подчеркивает глубину того, на что поэт намекает в первом слое.

Обратимся к стихотворению И.А. Бродского «Баллада о маленьком буксире» и рассмотрим, как в нем реализуются эти особенности.

Итак, это стихотворение написано специально для детей, что, естественно, отражается на его структуре. Простые, возможно, даже сознательно упрощенные конструкции, являющиеся вообще характерными для детской поэзии, чередуются со сложно составленными целыми, занимающими целые строфы. Это объясняется смыслом стихотворения, последовательным развитием его лирического сюжета.

Но более важно здесь другое. В «Балладе...» поэт поднимает темы характерные для метафизической поэзии, которая никогда не оказывалась на одной плоскости с поэзией детской, И. А. Бродский пишет метафизическое стихотворение для детей, то есть делает то, чего никто до него в литературе не делал.

Главным героем стихотворения является буксир Антей. Давая ему имя античного героя, поэт включает его как в хорошо знакомый детям ряд сказочных существ-предметов, так и в ряд мифологических героев. Две эти формы – миф и сказка – неразрывно связаны в культуре, и миф является базисом, на котором возникает сказка. К тому же миф – это очень важное понятие в культуре, «необходимое на определенной ступени развития человечества для передачи ... метафизического опыта» [2].

Ребенок включается в ситуацию общения с олицетворенной вещью, предметом, который в тексте оживает и оказывается способным передавать метафизический опыт, причем делать это в доступной для ребенка форме.

Но буксир обращается непосредственно к читателю-ребенку, отсюда, и простота построения предложений в первых строфах стихотворения, в которых Антей рассказывает о своей жизни в порту, о внешней стороне своей жизни.

Когда же мы видим уже не внешнюю сторону деятельности Антея, а все глубже погружаемся в его внутренний мир, усложняется синтаксическая структура стихотворения – простые предложения заменяются сложными, и усложняется его семантика. В этой части стихотворения на первое место выходит «взрослый» пласт значений.

Буксир носит имя Антей, и это отсылает нас к широкому мифологическому контексту. К мифологической картине мира также отсылает дихотомия земли и неба: *«Подо мною вода, Надо мной небеса»*.

Также мы находим в стихотворении упоминание пограничных состояний, которые являются основным предметом мифа, и сакральных цветов, характерных для загробного мира, например, *« – и тогда поплыву я/к прекрасному сну /мимо синих деревьев / в золотую страну...»*

Все это наводит на мысль о том, что Антей оказывается в стихотворении героем-медиатором, находящимся между двумя мирами.

Из такого понимания героя вырастает основная тема стихотворения – тема жизни и смерти, ранее характерная исключительно для взрослой поэзии. Но поэт, помещая бытийные проблемы в сказочно-мифологический антураж, переводит эти проблемы в такие выражения, в такой понятийный план, который ясен детям.

Средоточие метафизического смысла стихотворения приходится на последнюю строфу. В ней наиболее прямо говорится о жизни и смерти, о переходе из одного мира в другой. Переход здесь осуществляется не только непосредственно – как пересечение границы двух миров, но и в плане метаморфозы самого героя, которую также можно рассматривать

как смену точки зрения на него. Мощный буксир здесь превращается в игрушечный кораблик, который ногой можно оттолкнуть от причала: «старый боцман в зюйд-вестке /мой штурвал повернет /и ногой от причала /мне корму оттолкнет...»

Итак, можно сделать вывод о специфике данного стихотворения. «Баллада...» строится по принципу семантической двуплановости. В единой структуре здесь совмещены два полноценных и равнозначных авторских посыла, и какой из них станет доминирующим, зависит, преимущественно, от читателя. При этом «Баллада...» обладает еще одной сущностной особенностью: будучи адресованной двум группам читателей, она содержит в себе такие идеи и мысли, которые, традиционно не затрагивались в детской поэзии, и которые поэт адаптируя, но при этом не упрощая, преподносит детям.

Библиографический список

1. Клоц Я. Иосиф Бродский: стихи для детей // Неприкосновенный запас. 2008, №2 (58). С.18-33.
2. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1998. 122 с.

СМЫСЛЫ ЧТЕНИЯ В РОМАНЕ Б. ШЛИНКА «DER VORLESER»

Т. Бер

2 курс, филологический факультет

Научный руководитель – ст. преп. Г.В. Заломкина

В романе Б. Шлинка «Чтец», вышедшем в свет в 1995 году и ставшем бестселлером во всем мире, чтение проходит сквозным мотивом. Чтение приобретает различные смыслы: часть эротического ритуала, условие социальной значимости, свидетельство нравственной зрелости. Герой и героиня существуют в разных мирах (чтения и «нечтения»), четко противопоставленных, точкой соприкосновения которых становится чтение вслух.

Бывшая надзирательница концлагеря Ханна Шмиц, скрывая свою неграмотность, стремится приобщиться к миру чтения, привлекая чтецов, сначала узиц концлагеря, а затем школьника Михаэля Берга. Это помогает ей почувствовать себя частью культурного мира, отделенность от которого она так остро ощущает. Чтение, а тем более написание книг для нее – таинства, в которые она не посвящена, но очень этого желает.

Ханна отрезана от окружающих людей, не имеет прочных социальных контактов, постоянной работы и места жительства, ограничена миром своего тела. Михаэль любит ее, но догадывается, что его место в жизни Ханны не очень значительно. Она живет здесь и сейчас, не думая о последствиях своих поступков, часто аморальных с точки зрения общества.